

ПОВЕСТЬ
РАССКАЗ
РОМАНЫ

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-2562-6

9 786171 225626

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ФЕДОР
ДОСТОЕВСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Edouard Lacombe

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ

Собрание сочинений
в одной книге

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
Д70

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:
Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений :
В 30 т. — Л. : Наука, 1972—1988

Вступ. ст. *А. В. Луначарского*

Дизайнер обложки *Татьяна Волошина*

Художник *Наталья Переходенко*

ISBN 978-617-12-2562-6

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Достоевский как художник и мыслитель¹

А. В. Луначарский

Итак, Достоевский как художник.

Конечно, вряд ли найдется человек достаточно дерзкий, который усомнился бы, что Достоевский — художник и притом великий. И на примере Достоевского как художника особенно легко показать всю несостоятельность тех представлений о художнике, которые последнее время если не доминируют у нас над прочими представлениями, то все же чрезвычайно шумно о себе заявляют.

Мы неоднократно <...> слышали от теоретиков искусства, что «форма и содержание в искусстве неотделимы». Что это — совершенное старье различать их между собою. Что художественное произведение совпадает со своей формой. Что художник является прежде всего «формовщиком своего произведения». Быть художником значит искать совершенства формы!

Так вот, если именно с этой точки зрения подойти к Достоевскому, то он художник слабый. Никакого совершенства формы в его произведениях нет. Даже наоборот, большая часть его произведений не доделана, как-то не закончена, внешне не отшлифована. Но эта слабость совер-

¹ Стенограмма речи, произнесенной к 100-летию Достоевского; печатается в сокращении.

шенно искупается титаничностью художественного содержания.

По поводу этого представления, едва ли не господствующего у нас, Маяковский сказал однажды острые слова: «Для некоторых людей форма и содержание в искусстве все равно как генерал в мундире». В этом определении наша мысль может показаться очень смешной на первый взгляд, однако на самом деле оно действительно приблизительно так. Есть художники, творчество которых, как мундир без генерала, есть такие, у которых оно — генерал в мундире, а есть и произведения вроде генерала без мундира.

Были такие художники, которые употребляли самые великолепные, самые прекрасные краски и формы для своего творчества и надевали эту роскошную внешность на манекен. Правда, такие произведения имеют много внешней красоты, ловкой компоновки, внешней орнаментовки, но они все-таки остаются манекеном, одетым в сшитый хорошим портным сюртук, портным, который, кроме такого хорошо сшитого сюртука, ничего больше не может дать... Словом, это мундир без генерала.

Однако, совершенно несомненно, есть и такие художники, у которых имеется этот «генерал», да такой, который способен командовать в течение столетий целыми колоннами людей и который ходит, однако, почти голым. И вот Достоевский именно такой художник. Он не заботится о туалете. «Генерал» его очень часто ходит даже непричесанным, но все-таки Достоевский остается великим художником.

Достоевский, как вы знаете, четыре года был на каторге. В сущности же он был почти всю жизнь на каторге. Почти всю жизнь он ужасающе нуждался. Ему часто, очень часто ради хлеба приходилось печь главу за главой своих рома-

нов, совершенно не обрабатывая их, даже не заканчивая, как следует. Об этом он постоянно скорбит в своих письмах. Само собой разумеется, при таких обстоятельствах нельзя винить Достоевского в том, что он не находил или, вернее, не искал кристаллизованных форм, скажем, таких, какими нас балует Пушкин. Но тогда чем же объясняется то, что эти незаконченные, недоделанные, формально несовершенные произведения все-таки находятся на вершине искусства?

Чехов в одном из своих писем сказал о писателях, ему современных, приблизительно следующее: «Мы очень искусны по части формы. Мы сумеем все очень стильно изобразить. Мы знаем, как сконструировать фразу, главу и т. д., но у нас нет одного, самого главного нет — Бога. Нет, другими словами, чего-нибудь, во что мы верили бы, что мы беззаветно, самоотверженно любим, потому что мы все дети безвременья».

Вспоминаются мне также слова апостола Павла, удивительно в данном случае подходящие: «Если на всех человеческих языках говорить будете, но любви не имеете, то будете как кимвал бряцающий». Чем больше, чем шире имеется у человека то, что здесь разумеется под любовью, т. е. живое, глубокое чувство, тем более способен такой человек быть художником. Пусть форма его произведений несовершенна, но если есть мощное содержание в его душе, то такой художник может пользоваться неизмеримой славой в течение веков. Если же, наоборот, есть только одна форма, прекрасный, звонко бряцающий кимвал, то такой художник будет только модой. Он будет пользоваться только мгновенной славой. Ему может быть отведена только отдельная страница в истории литературы, но в Пантеон мировой литературы такой художник-писатель не войдет.

У Достоевского был этот Бог, про которого говорит Чехов. У него была своя, совсем особенная манера преломлять свои переживания сквозь призму своего сознания. Он был до такой степени исполнен своим «Богом», он был в такой мере одержим мыслеобразами, что является для нас столько же художником, сколько пророком и публицистом. То и другое у него неразрывно сливается.

Достоевский был художником-лириком, который в особенности пишет о себе, для себя и от себя. Все его повести и романы — одна огненная река его собственных переживаний. Это сплошное признание сокровенного своей души. Это страстное стремление признаться в своей внутренней правде. Это *первый* и основной момент в его творчестве. *Второй* — постоянное стремление *заразить*, убедить, потрясти читателя и исповедать перед ним свою веру. Вот эти оба свойства творчества Достоевского присущи ему так, как ни одному другому лирику, если под лирикой разуметь призыв потрясенной души.

Таким образом, Достоевский великий и глубочайший лирик. Но лирик ведь не непременно должен быть художником. Он может выразить свои переживания разными способами в форме публицистической, в проповедях, например. Достоевский же выражает свои переживания, признания не в прямой форме, а в форме лиро-эпической. Он замыкает свои признания, страстные призывы своей души в рассказы о происшествиях. Он пишет повести и романы.

Подходя к его произведениям, мы должны совершенно отказаться от требований формальной красоты. Достоевский не заботится о внешней красоте. Посмотрите на его повести и романы. В них фраза до крайности безыскусственна. Огромное большинство главнейших действующих лиц говорит одинаковым языком.

Посмотрите на самую конструкцию его романов, на конструкцию глав в них. Она чрезвычайно любопытна. Часто даже интересно разрешить эту задачу — где у Достоевского играла роль воля при конструировании глав романов, а где просто случай. Его роман зачастую принимает самые причудливые формы. И как геолог разбирается, как произошла какая-нибудь Этна или Фузияма, так интересно разобраться и здесь.

Какая разница, например, с Данте: <...> там все — от общего массива до мелочи — архитектурно, все повинуетсЯ плану и твердой зодческой воле.

В произведениях Достоевского вы не найдете красивых описаний. Он проходит совершенно равнодушно мимо природы. Словом, как я уже сказал, внешней красоты в его произведениях нет. Но дело-то в том, что у Достоевского вы и не останавливаетесь на форме, вы останавливаетесь перед гениальностью содержания. Он обходит эту ненужную ему форму. Он стремится поскорее заразить, потрясти вас, исповедаться перед вами. И это два первых двигателя, которые определяют собою самое основное в творчестве Достоевского. Но если бы были налицо только эти свойства, то не было бы у Достоевского стимула к тому, чтобы завлекать нас, захватывать нас так, как он это делает, в *эпических художественных* проявлениях.

Делает он это потому, что над всеми его стремлениями высказаться, выявить свою внутреннюю правду доминирует еще один основной мотив — огромное, необъятное, могучее стремление *жить*. Все стирается перед этим страстным стремлением жизни. Как будто чувствует человек, что материала ему отпущено для жизни больше, чем можно пережить в одном существовании. Вот это-то страстное, непобедимое стремление жить и делает Досто-

евского художником в первую очередь, и он создает из себя и великих, и низких, и богов и тварей.

Может быть, в своей реальной жизни он отнюдь не живет так интенсивно, как тогда, когда он рождает в мир своих героев, всех этих людей, которые все его дети и которые все — он сам в разных масках. Достоевский связан самыми теснейшими нитями со всеми своими героями. Его кровь течет в их жилах. Его сердце бьется во всех создаваемых им образах. Достоевский не просто рождает — творит свои образы. Он рождает их в муках, с учащенно бьющимся сердцем и с тяжело прерывающимся дыханием. Он идет на преступление вместе со своими героями. Он живет с ними титанически-кипучей жизнью. Он кается вместе с ними. Он с ними в мыслях своих потрясает небо и землю. И потому, что ему в сильнейшей степени присуще стремление жить, дано понимание самых сокровенных глубин жизни, потому он способен к дару пророчества, ибо если мы вкладываем в это слово понятие о прорицании, то именно такая душа, как Достоевского, всегда стремящаяся выявить свою внутреннюю правду, признаться в самых глубинных своих переживаниях, наиболее содержит в себе данных к прорицанию. Такая душа может выражать таинственные глубины человека и судеб человеческих.

Достоевский проявляет свой пророческий дар в мечтах и грезах о возможностях жизненных, о том, как, может быть, он мог бы жить. И из-за этой необходимости самому переживать страшно конкретно все новые и новые авантюры, он нас потрясает так, как никто.

Но, помимо того, что Достоевский сам переживает все происходящее со своими героями, сам мучается их мучениями, он еще и смакует эти переживания. Он подмечает постоянно всякие мелочи, чтобы до галлюцинации конкретизировать свою воображаемую жизнь. Они ему нужны, эти

мелочи, чтобы смаковать их как подлинную внутреннюю жизнь. Необходимо отметить еще одну особенность творчества Достоевского. Поскольку его интересует самый «субъект» в переживаниях и самые переживания как таковые, постольку он очень мало останавливается на описании среды, окружающей его героя обстановки. Проходя мимо этого, он стремится поскорее подвести читателя к потоку, к калейдоскопу мыслей, к музыке чувств своего героя. Поэтому Достоевского называют писателем-психологом.

В письме к своему брату, после того как он начал «Село Степанчиково», он пишет: «Начал писать комедию, дело подвигается, но бросил форму комедии, — хочется подольше пожить с моими героями, побольше о них рассказать, и выходит повесть». Достоевскому трудно писать кратко. Он намеренно затягивает свои произведения, потому что, создавая героев, он живет с ними одной жизнью. При этом Достоевскому не важно, что его герой делает. Ему важно, что он думает и говорит. Достоевский — страстный разговорщик. В его произведениях постоянно идут длиннейшие монологи и диалоги. Но именно этим он заставляет нас подойти вплотную к человеческой душе, заглянуть на самое дно ее и посмотреть, что там делается.

Достоевский пишет романы и повести. Но эти романы и повести в сущности драмы. Драмы, чрезвычайно сценичные при том. В них все основано на переживаниях человеческой души. Остальное задето мимоходом, вскользь. Его краткие отметки о костюмах действующих лиц, об обстановке — похожи на ремарки.

Итак, Достоевского называют психологом, поскольку его больше всего интересуют переживания человеческой души. Но, по-моему, он не столько психолог, сколько в его произведениях можно найти материал для психологии, ибо мы под психологом разумеем человека, который не только

умеет анализировать человеческую душу, но и выводить из этого анализа какие-то психологические законы.

Чтобы понять, что делает Достоевский с психикой, возьмем хотя бы такой пример — вода. Для того, чтобы дать человеку полное представление о воде, заставить его объять все ее свойства, надо ему показать и пройти воду и пар, лед, разделить воду на составные части, показать, что такое тихое озеро, величаво катящая свои волны река, водопад, фонтан и проч. Словом, ему нужно показать все свойства, всю внутреннюю динамику воды. И однако, этого все-таки будет мало. Может быть, для того, чтобы понять динамику воды, нужно превысить данные возможности и фантастически представить человеку Ниагару, в сотню раз грандиознейшую, чем подлинная. Вот Достоевский и стремится превозмочь реальность и показать дух человеческий со всеми его неизмеримыми высотами и необъяснимыми глубинами со всех сторон. Как Микельанджело скручивает человеческие тела в конвульсиях, в агонии, так Достоевский дух человеческий то раздувает до гиперболы, то сжимает до полного уничтожения, смешивает с грязью, низвергает его в глубины ада, то потом вдруг взмывает в самые высокие эмпиреи неба. Этими полетами человеческого духа Достоевский не только приковывает наше внимание, захватывает нас, открывает нам новые неизведанные красоты, но дает очень много и нашему познанию, показывая нам не подозреваемые нами глубины души.

Достоевский хочет жить. Этого мало. Достоевский *наслаждается* жизнью, наслаждается страстно, мучительно, до боли. Все его романы — это гигантский акт сладострастия. И это он сам прекрасно понимал. Он неоднократно останавливался на мысли, что все провалы жизни он испытывает как наслаждение, которое доставляет ему даже самая боль. <...>

Как неоднократно было замечено, центральным движущим стимулом художественного творчества является половое чувство. Это же чувство служит стимулом в стремлениях к славе, к жизненным успехам и т. д. Это же чувство остро проявляется в творчестве Достоевского. Достоевский в душе обнимал мадонн и носился на шабаш с бесстыдными ведьмами. Отсюда он пишет своей волшебной кистью судороги духа. Определенно нет ни одного самого маленького момента, который не отражался бы в его душе как наслаждение. Не как счастье, не как гармония, а как сладострастие, могущее включить в себя и мучительнейшие переживания.

Наличие этих свойств есть «демоническое» Достоевского. Можно ли найти другого писателя, демон которого имел бы столь широкие и темные крылья. Правда, в этом отношении ужасен и Бальзак, но до безмерного демонизма Достоевского он не доходит.

Однако весь ли Достоевский выражается в этом? Нет, не весь, ибо Достоевский не только художник, а и мыслитель. Тут он тоже огромен. Не в том смысле, чтобы у него можно было найти уроки светлой мысли. Нет. Кто ищет этого, тот обращается к самому слабому месту Достоевского, к самому пустому из ящиков его письменного стола. Достоевскому как мыслителю присущи только те свойства, кои вытекают из основ его духа. Каждая мысль, которую он высказывает, имеет место как определенная величина в общей системе его духа.

Достоевский умеет превратить действительность в наслаждение. Он макает зачастую свою волшебную кисть в грязное болото и наслаждается этой грязью. Но это не значит, что он оправдывает ее. Нет. Он страдает от житейской грязи. Он часто возвращается к мысли, что страдание имеет искупительное значение. Он считает, что страдать

должны все, ибо все виноваты за каждый грех в каждом преступлении. Преступление — всеобщее, наказание должно лечь на всех. Таково миропонимание Достоевского. Мысля так, он восстает и протестует против одного — против страданий невинных. В особенности против детских страданий. Кто смел, не исключая и Бога, заставлять страдать невинных? Он заставляет своего Ивана за это идти бунтом против Бога. Грех со всеми его проблемами влечет его к себе! Но Достоевский бесконечно любит и надзвездные области неба, и они ему открыты. Он бывал на небе. Он знает, про что поют там ангелы, как это знала лермонтовская душа. Он умеет понимать и ощущать гармонию бытия.

<...>

1921

Белые ночи

Сентиментальный роман
(Из воспоминаний мечтателя)

...Иль был он создан для того,
Чтобы побыть хотя мгновение
В соседстве сердца твоего?..

Ив. Тургенев

Ночь первая

Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопрос, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вам Господь чаще на душу!.. Говоря о капризных и разных сердитых господах, я не мог не припомнить и своего благонаправленного поведения во весь этот день. С самого утра меня стала мучить какая-то удивительная тоска. Мне вдруг показалось, что меня, одинокого, все покидают и что все от меня отступаются. Оно, конечно, всякий вправе спросить: кто ж эти все? потому что вот уже восемь лет, как я живу в Петербурге, и почти ни одного знакомства не умел завести. Но к чему мне знакомства? Мне и без того знаком весь Петербург; вот почему мне и показалось, что меня все покидают, когда весь Петербург поднялся и вдруг уехал на дачу. Мне страшно стало оставаться одному, и целых три дня я бродил по городу в глубокой тоске, решительно не понимая, что со мной делается. Пойду ли на Невский, пойду ли в сад, брожу ли по набережной — ни одного лица из тех, кого привык встречать в том же месте, в известный час, целый год. Они, конечно, не знают меня, да я-то их знаю. Я коротко их знаю; я почти изучил их физиономии — и люблюсь на них, когда они веселы, и хандрю, когда они затуманятся. Я почти свел дружбу с одним старичком, которого встречаю каждый божий день, в известный час, на Фонтанке. Физиономия

такая важная, задумчивая; все шепчет под нос и махает левой рукой, а в правой у него длинная сучковатая трость с золотым набалдашником. Даже он заметил меня и принимает во мне душевное участие. Случись, что я не буду в известный час на том же месте Фонтанки, я уверен, что на него нападет хандра. Вот отчего мы иногда чуть не кланяемся друг с другом, особенно когда оба в хорошем расположении духа. Намедни, когда мы не видались целые два дня и на третий день встретились, мы уже было и схватились за шляпы, да благо опомнились вовремя, опустили руки и с участием прошли друг подле друга. Мне тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый как будто забегают вперед меня на улицу, глядит на меня во все окна и чуть не говорит: «Здравствуйте; как ваше здоровье? и я, слава Богу, здоров, а ко мне в мае месяце прибавят этаж». Или: «Как ваше здоровье? а меня завтра в починку». Или: «Я чуть не сгорел и притом испугался» и т. д. Из них у меня есть любимцы, есть короткие приятели; один из них намерен лечиться это лето у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтоб не залечили как-нибудь, сохрани его Господи!.. Но никогда не забуду истории с одним прехорошеньким светло-розовым домиком. Это был такой миленький каменный домик, так приветливо смотрел на меня, так горделиво смотрел на своих неуклюжих соседей, что мое сердце радовалось, когда мне случалось проходить мимо. Вдруг, на прошлой неделе, я прохожу по улице и, как посмотрел на приятеля — слышу жалобный крик: «А меня красят в желтую краску!» Злодеи! варвары! они не пощадили ничего: ни колонн, ни карнизов, и мой приятель пожелтел, как канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я еще до сих пор не в силах был повидаться с изуродованным моим бедняком, которого раскрасили под цвет поднебесной империи.

Итак, вы понимаете, читатель, каким образом я знаком со всем Петербургом.

Я уже сказал, что меня целые три дня мучило беспокойство, покамест я догадался о причине его. И на улице мне было худо (того нет, этого нет, куда делся такой-то?) — да и дома я был сам не свой. Два вечера добивался я: чего недостает мне в моем углу? отчего так неловко было в нем оставаться? — и с недоумением осматривал я свои зеленые закоптелые стены, потолок, завешанный паутиной, которую с большим успехом разводила Матрена, пересматривал всю свою мебель, осматривал каждый стул, думая, не тут ли беда? (потому что копь у меня хоть один стул стоит не так, как вчера стоял, так я сам не свой) смотрел за окно, и все понапрасну... нисколько не было легче! Я даже вздумал было призвать Матрену и тут же сделал ей отеческий выговор за паутину и вообще за неряшество; но она только посмотрела на меня в удивлении и пошла прочь, не ответив ни слова, так что паутина еще до сих пор благополучно висит на месте. Наконец я только сегодня поутру догадался, в чем дело. Э! да ведь они от меня удирают на дачу! Простите за тривиальное словцо, но мне было не до высокого слога... потому что ведь все, что только ни было в Петербурге, или переехало, или переезжало на дачу; потому что каждый почтенный господин солидной наружности, нанимавший извозчика, на глаза мои, тотчас же обращался в почтенного отца семейства, который после обыденных должностных занятий отправляется налегке в недра своей фамилии, на дачу; потому что у каждого прохожего был теперь уже совершенно особый вид, который чуть-чуть не говорил всякому встречному: «Мы, господа, здесь только так, мимоходом, а вот через два часа мы уедем на дачу». Отворялось ли окно, по которому побарабанили сначала тоненькие, белые как сахар пальчики, и высовы-

вალასь головка хорошенькой девушки, подзывавшей разносчика с горшками цветов, — мне тотчас же, тут же представлялось, что эти цветы только так покупаются, то есть вовсе не для того, чтоб наслаждаться весной и цветами в душной городской квартире, а что вот очень скоро все переедут на дачу и цветы с собою увезут. Мало того, я уже сделал такие успехи в своем новом, особенном роде открытий, что уже мог безошибочно, по одному виду, обозначить, на какой кто даче живет. Обитатели Каменного и Аптекарского островов или Петергофской дороги отличались изученным изяществом приемов, щегольскими летними костюмами и прекрасными экипажами, в которых они приехали в город. Жители Парголова и там, где подальше, с первого взгляда «внушали» своим благоразумием и солидностью; посетитель Крестовского острова отличался невозмутимо-веселым видом. Удавалось ли мне встретить длинную процессию ломовых извозчиков, лениво шедших с возжами в руках подле возов, нагруженных целыми горами всякой мебели, столов, стульев, диванов турецких и нетурецких и прочим домашним скарбом, на котором, сверх всего этого, зачастую восседала, на самой вершине воза, тщедушная кухарка, берегущая барское добро как зеницу ока; смотрел ли я на тяжело нагруженные домашнею утварью лодки, скользившие по Неве иль Фонтанке, до Черной речки иль Островов, — воза и лодки удесятерялись, усотерялись в глазах моих; казалось, все поднялось и поехало, все переселялось целыми караванами на дачу; казалось, весь Петербург грозил обратиться в пустыню, так что наконец мне стало стыдно, обидно и грустно: мне решительно некуда и не зачем было ехать на дачу. Я готов был уйти с каждым возом, уехать с каждым господином почтенной наружности, нанимавшим извозчика; но ни один, решительно

никто не пригласил меня; словно забыли меня, словно я для них был и в самом деле чужой!

Я ходил много и долго, так что уже совсем успел, по своему обыкновению, забыть, где я, как вдруг очутился у заставы. Вмиг мне стало весело, и я шагнул за шлагбаум, пошел между засеянных полей и лугов, не слышал усталости, но чувствовал только всем составом своим, что какое-то бремя спадает с души моей. Все проезжие смотрели на меня так приветливо, что решительно чуть не кланялись; все были так рады чему-то, все до одного курили сигары. И я был рад, как еще никогда со мной не случалось. Точно я вдруг очутился в Италии, — так сильно поразила природа меня, полубольного горожанина, чуть не задохнувшегося в городских стенах.

Есть что-то неизъяснимо трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с наступлением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы, опустится, разрядится, упестрится цветами... Как-то невольно напоминает она мне ту девушку, чахлую и хворую, на которую вы смотрите иногда с сожалением, иногда с какою-то сострадательною любовью, иногда же просто не замечаете ее, но которая вдруг, на один миг, как-то нечаянно делается неизъяснимо, чудно прекрасною, а вы, пораженный, упоенный, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать таким огнем эти грустные, задумчивые глаза? что вызвало кровь на эти бледные, похудевшие щеки? что облило страстью эти нежные черты лица? отчего так вздымается эта грудь? что так внезапно вызвало силу, жизнь и красоту на лицо бедной девушки, заставило его заблистать такой улыбкой, оживиться таким сверкающим, искрометным смехом? Вы смотрите кругом, вы кого-то ищете, вы догадываетесь... Но миг проходит, и, может быть, назавтра же вы встретите опять тот же задумчивый

и рассеянный взгляд, как и прежде, то же бледное лицо, ту же покорность и робость в движениях и даже раскаяние, даже следы какой-то мертвящей тоски и досады за минутное увлечение... И жаль вам, что так скоро, так безвозвратно завяла мгновенная красота, что так обманчиво и напрасно блеснула она перед вами, — жаль оттого, что даже полюбить ее вам не было времени...

А все-таки моя ночь была лучше дня! Вот как это было.

Я пришел назад в город очень поздно, и уже пробило десять часов, когда я стал подходить к квартире. Дорога моя шла по набережной канала, на которой в этот час не встретишь живой души. Правда, я живу в отдаленнейшей части города. Я шел и пел, потому что, когда я счастлив, я непременно мурлыкаю что-нибудь про себя, как и всякий счастливый человек, у которого нет ни друзей, ни добрых знакомых и которому в радостную минуту не с кем разделить свою радость. Вдруг со мной случилось самое неожиданное приключение.

В сторонке, прислонившись к перилам канала, стояла женщина; облокотившись на решетку, она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду канала. Она была одета в премиленькой желтой шляпке и в кокетливой черной мантилке. «Это девушка, и непременно брюнетка», — подумал я. Она, кажется, не слыхала шагов моих, даже не шевельнулась, когда я прошел мимо, затаив дыхание и с сильно забившимся сердцем. «Странно! — подумал я, — верно, она о чем-нибудь очень задумалась», и вдруг я остановился как вкопанный. Мне послышалось глухое рыдание. Да! я не обманул: девушка плакала, и через минуту еще и еще всхлипывание. Боже мой! У меня сердце сжалось. И как я ни робок с женщинами, но ведь это была такая минута!.. Я воротился, шагнул к ней и непременно бы произнес: «Сударыня!» — если б только не знал, что это

восклицание уже тысячу раз произносилось во всех русских великосветских романах. Это одно и остановило меня. Но покамест я приискивал слово, девушка очнулась, оглянулась, спохватилась, потупилась и скользнула мимо меня по набережной. Я тотчас же пошел вслед за ней, но она догадалась, оставила набережную, перешла через улицу и пошла по тротуару. Я не посмел перейти через улицу. Сердце мое трепетало, как у пойманной птички. Вдруг один случай пришел ко мне на помощь.

По той стороне тротуара, недалеко от моей незнакомки, вдруг появился господин во фраке, солидных лет, но нельзя сказать, чтоб солидной походки. Он шел, пошатываясь и осторожно опираясь об стенку. Девушка же шла, словно стрелка, торопливо и робко, как вообще ходят все девушки, которые не хотят, чтоб кто-нибудь вызвался провожать их ночью домой, и, конечно, качавшийся господин ни за что не догнал бы ее, если б судьба моя не надоумила его поискать искусственных средств. Вдруг, не сказав никому ни слова, мой господин срывается с места и летит со всех ног, бежит, догоняя мою незнакомку. Она шла как ветер, но колыхавшийся господин настигал, настиг, девушка вскрикнула — и... я благословляю судьбу за превосходную сучковатую палку, которая случилась на этот раз в моей правой руке. Я мигом очутился на той стороне тротуара, мигом незванный господин понял, в чем дело, принял в соображение неотразимый резон, замолчал, отстал и только, когда уже мы были очень далеко, протестовал против меня в довольно энергических терминах. Но до нас едва долетели слова его.

— Дайте мне руку, — сказал я моей незнакомке, — и он не посмеет больше к нам приставать.

Она молча подала мне свою руку, еще дрожавшую от волнения и испуга. О незванный господин! как я благословлял тебя в эту минуту! Я мельком взглянул на нее: она была

премиленькая и брюнетка — я угадал; на ее черных ресницах еще блестели слезинки недавнего испуга или прежнего горя, — не знаю. Но на губах уже сверкала улыбка. Она тоже взглянула на меня украдкой, слегка покраснела и потупилась.

— Вот видите, зачем же вы тогда отогнали меня? Если б я был тут, ничего бы не случилось...

— Но я вас не знала: я думала, что вы тоже...

— А разве вы теперь меня знаете?

— Немножко. Вот, например, отчего вы дрожите?

— О, вы угадали с первого раза! — отвечал я в восторге, что моя девушка умница: это при красоте никогда не мешает. — Да, вы с первого взгляда угадали, с кем имеете дело. Точно, я робок с женщинами, я в волнении, не спорю, не меньше, как были вы минуту назад, когда этот господин испугал вас... Я в каком-то испуге теперь. Точно сон, а я даже и во сне не гадал, что когда-нибудь буду говорить хоть с какой-нибудь женщиной.

— Как? неужели?..

— Да, если рука моя дрожит, то это оттого, что никогда еще ее не обхватывала такая хорошенькая маленькая ручка, как ваша. Я совсем отвык от женщин; то есть я к ним и не привыкал никогда; я ведь один... Я даже не знаю, как говорить с ними. Вот и теперь не знаю — не сказал ли вам какой-нибудь глупости? Скажите мне прямо; предупреждаю вас, я не обидчив...

— Нет, ничего, ничего; напротив. И если уже вы требуете, чтоб я была откровенна, так я вам скажу, что женщинам нравится такая робость; а если вы хотите знать больше, то и мне она тоже нравится, и я не отгоню вас от себя до самого дома.

— Вы сделаете со мной, — начал я, задыхаясь от восторга, — что я тотчас же перестану робеть, и тогда — прощай все мои средства!..

— Средства? какие средства, к чему? вот это уж дурно.

— Виноват, не буду, у меня с языка сорвалось; но как же вы хотите, чтоб в такую минуту не было желания...

— Понравиться, что ли?

— Ну да; да будьте, ради Бога, будьте добры. Посудите, кто я! Ведь вот уж мне двадцать шесть лет, а я никого никогда не видал. Ну как же я могу хорошо говорить, ловко и кстати? Вам же будет выгоднее, когда все будет открыто, наружу... Я не умею молчать, когда сердце во мне говорит. Ну да все равно... Поверите ли, ни одной женщины, никогда, никогда! Никакого знакомства! и только мечтаю каждый день, что наконец-то когда-нибудь я встречу кого-нибудь. Ах, если б вы знали, сколько раз я был влюблен таким образом!..

— Но как же, в кого же?..

— Да ни в кого, в идеал, в ту, которая приснится во сне. Я создаю в мечтах целые романы. О, вы меня не знаете! Правда, нельзя же без того, я встречал двух-трех женщин, но какие они женщины? это все такие хозяйки, что... Но я вас насмешу, я расскажу вам, что несколько раз думал заговорить, так, запросто, с какой-нибудь аристократкой на улице, разумеется, когда она одна; заговорить, конечно, робко, почтительно, страстно; сказать, что погибаю один, чтоб она не отгоняла меня, что нет средства узнать хоть какую-нибудь женщину; внушить ей, что даже в обязанностях женщины не отвергнуть робкой мольбы такого несчастного человека, как я. Что, наконец, и все, чего я требую, состоит в том только, чтоб сказать мне какие-нибудь два слова братские, с участием, не отогнать меня с первого шага, поверить мне на слово, выслушать, что я буду говорить, посмеяться надо мной, если угодно, обнадежить меня, сказать мне два слова, только два слова, потом пусть хоть мы с ней никогда не встречаемся!.. Но вы смеетесь... Впрочем, я для того и говорю...

— Не досадуйте; я смеюсь тому, что вы сами себе враг, и если бы вы попробовали, то вам бы и удалось, может быть, хоть бы и на улице дело было; чем проще, тем лучше... Ни одна добрая женщина, если только она не глупа или особенно не сердита на что-нибудь в ту минуту, не решилась бы отослать вас без этих двух слов, которых вы так робко вымаливаете... Впрочем, что я! конечно, приняла бы вас за сумасшедшего. Я ведь судила по себе. Сама-то я много знаю, как люди на свете живут!

— О, благодарю вас, — закричал я, — вы не знаете, что вы для меня теперь сделали!

— Хорошо, хорошо! Но скажите мне, почему вы узнали, что я такая женщина, с которой... ну, которую вы считали достойной... внимания и дружбы... одним словом, не хозяйка, как вы называете. Почему вы решились подойти ко мне?

— Почему? почему? Но вы были одни, тот господин был слишком смел, теперь ночь: согласитесь сами, что это обязанность...

— Нет, нет, еще прежде, там, на той стороне. Ведь вы хотели же подойти ко мне?

— Там, на той стороне? Но я, право, не знаю, как отвечать; я боюсь... Знаете ли, я сегодня был счастлив; я шел, пел; я был за городом; со мной еще никогда не бывало таких счастливых минут. Вы... мне, может быть, показалось... Ну, простите меня, если я напомню: мне показалось, что вы плакали, и я... я не мог слышать это... у меня стеснилось сердце... О, боже мой! Ну да неужели же я не мог потосковать об вас? Неужели же был грех почувствовать к вам братское сострадание?.. Извините, я сказал сострадание... Ну да, одним словом, неужели я мог вас обидеть тем, что невольно вздумалось мне к вам подойти?..

— Оставьте, довольно, не говорите... — сказала девушка, потупившись и сжав мою руку. — Я сама виновата, что

заговорила об этом; но я рада, что не ошиблась в вас... но вот уже я дома; мне нужно сюда, в переулок; тут два шага... Прощайте, благодарю вас...

— Так неужели же, неужели мы больше никогда не увидимся?.. Неужели это так и останется?

— Видите ли, — сказала, смеясь, девушка, — вы хотели сначала только двух слов, а теперь... Но, впрочем, я вам ничего не скажу... Может быть, встретимся...

— Я приду сюда завтра, — сказал я. — О, простите меня, я уже требую...

— Да, вы нетерпеливы... вы почти требуете...

— Послушайте, послушайте! — прервал я ее. — Простите, если я вам скажу опять что-нибудь такое... Но вот что: я не могу не прийти сюда завтра. Я мечтатель; у меня так мало действительной жизни, что я такие минуты, как эту, как теперь, считаю так редко, что не могу не повторять этих минут в мечтаньях. Я промечтаю об вас целую ночь, целую неделю, весь год. Я непременно приду сюда завтра, именно сюда, на это же место, именно в этот час, и буду счастлив, припоминая вчерашнее. Уж это место мне мило. У меня уже есть такие два-три места в Петербурге. Я даже один раз заплакал от воспоминанья, как вы... Почему знать, может быть, и вы, тому назад десять минут, плакали от воспоминанья... Но простите меня, я опять забылся; вы, может быть, когда-нибудь были здесь особенно счастливы...

— Хорошо, — сказала девушка, — я, пожалуй, приду сюда завтра, тоже в десять часов. Вижу, что я уже не могу вам запретить... Вот в чем дело, мне нужно быть здесь; не подумайте, чтоб я вам назначала свидание; я предупреждаю вас, мне нужно быть здесь для себя. Но вот... ну уж я вам прямо скажу — это будет ничего, если и вы придете; во-первых, могут быть опять неприятности, как сегодня,

но это в сторону... одним словом, мне просто хотелось бы вас видеть... чтоб сказать вам два слова. Только, видите ли, вы не осудите меня теперь? не подумайте, что я так легко назначаю свидания... Я бы и назначила, если б... Но пусть это будет моя тайна! Только вперед уговор...

— Уговор! говорите, скажите, скажите все заранее; я на все согласен, на все готов, — вскричал я в восторге, — я отвечаю за себя — буду послушен, почтителен... вы меня знаете...

— Именно оттого, что знаю вас, и приглашаю вас завтра, — сказала смеясь девушка. — Я вас совершенно знаю. Но смотрите, приходите с условием; во-первых (только будьте добры, исполните, что я попрошу, — видите ли, я говорю откровенно), не влюбляйтесь в меня... Это нельзя, уверяю вас. На дружбу я готова, вот вам рука моя... А влюбиться нельзя, прошу вас!

— Клянусь вам, — закричал я, схватив ее ручку...

— Полноте, не клянитесь, я ведь знаю, вы способны вспыхнуть как порох. Не осуждайте меня, если я так говорю. Если б вы знали... У меня тоже никого нет, с кем бы мне можно было слово сказать, у кого бы совета спросить. Конечно, не на улице же искать советников, да вы исключение. Я вас так знаю, как будто уже мы двадцать лет были друзьями... Не правда ли, вы не измените?..

— Увидите... только я не знаю, как уж я доживу хотя сутки.

— Спите покрепче; доброй ночи — и помните, что я вам уже вверилась. Но вы так хорошо воскликнули давеча: неужели ж давать отчет в каждом чувстве, даже в братском сочувствии! Знаете ли, это было так хорошо сказано, что у меня тотчас же мелькнула мысль довериться вам...

— Ради бога, но в чем? что?

— До завтра. Пусть это будет покамест тайной. Тем лучше для вас; хоть издали будет на роман похоже. Может быть, я вам завтра же скажу, а может быть, нет... Я еще с вами наперед поговорю, мы познакомимся лучше...

— О, да я вам завтра же все расскажу про себя! Но что это? точно чудо со мной совершается... Где я, боже мой? Ну, скажите, неужели вы недовольны тем, что не рассердились, как бы сделала другая, не отогнали меня в самом начале? Две минуты, и вы сделали меня навсегда счастливым. Да! счастливым; почему знать, может быть, вы меня с собой помирили, разрешили мои сомнения... Может быть, на меня находят такие минуты... Ну да я вам завтра все расскажу, вы все узнаете, все...

— Хорошо, принимаю; вы и начнете...

— Согласен.

— До свиданья!

— До свиданья!

И мы расстались. Я ходил всю ночь; я не мог решиться воротиться домой. Я был так счастлив... до завтра!

Ночь вторая

— Ну, вот и дожили! — сказала она мне, смеясь и пожимая мне обе руки.

— Я здесь уже два часа; вы не знаете, что было со мной целый день!

— Знаю, знаю... но к делу. Знаете, зачем я пришла? Ведь не вздор болтать, как вчера. Вот что: нам нужно вперед умней поступать. Я обо всем этом вчера долго думала.

— В чем же, в чем быть умнее? С моей стороны, я готов; но, право, в жизнь не случалось со мною ничего умнее, как теперь.

Содержание

Достоевский как художник и мыслитель.....	5
Белые ночи.....	15
Чужая жена и муж под кроватью	81
Преступление и наказание	135
Игрок	783

Літературно-художнє видання

ДОСТОЄВСЬКИЙ Федір Михайлович
Зібрання творів в одній книзі
(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Координатор проекту *К. В. Озерова*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Художній редактор *Т. О. Волошина*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*

Підписано до друку 05.04.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 50,4. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ДОСТОЄВСКИЙ Федор Михайлович
Собрание сочинений в одной книге

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Координатор проекта *Е. В. Озерова*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Художественный редактор *Т. О. Волошина*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*

Подписано в печать 05.04.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 50,4. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Достоевский Ф. М.

Д70 Собрание сочинений в одной книге / Федор Достоевский ; вступ. ст. А. В. Луначарского ; худож. Н. Переходенко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 960 с. : ил.

ISBN 978-617-12-2562-6

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)